

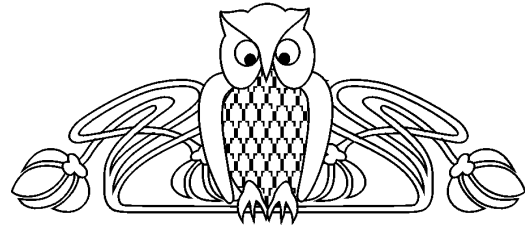

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 22–28
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 22–28

Научная статья
УДК 930.2
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

Вклад Ю. Н. Рериха в изучение истории тохар

А. М. Шустова

Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Шустова Алла Михайловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, parinama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7130-1762>

Аннотация. В работе анализируются статьи Ю. Н. Рериха «Тохарская проблема» и «Память о тохарах в Тибете», а также исследования истории тохар из его труда «История Средней Азии». Рерих приходит к выводу, согласно которому тохары античных авторов были тождественны народу юэчжи из китайских источников, а кушанов надо рассматривать как юэчжи-тохаров. В целях дальнейшего исследования проблемы Рерих выдвинул идею создания международной комиссии для комплексного изучения истории Кушанской империи.

Ключевые слова: история востоковедения, Ю. Н. Рерих, Центральная Азия, тохары, юэчжи, Кушанская империя

Для цитирования: Шустова А. М. Вклад Ю. Н. Рериха в изучение истории тохар // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 22–28. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

Yuri N. Roerich's contribution to the study of the Tocharians

Alla M. Shustova, parinama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7130-1762>

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia

Abstract. This article deals with Yuri Roerich's articles "Tocharian Problem", "The Memory of Tocharians in Tibet" and his "The History of Central Asia". Roerich concluded that Tocharians of the Ancient Greek authors were identical to the Yuezhi of the Chinese texts. Moreover, he considered the Kushans to be identical to the Yuezhi-Tocharians. He held the initiative to create the International Commission for the integrated study of the Kushan Empire's history.

Keywords: history of Asian studies, Yuri Roerich, Central Asia, Tocharians, Yuezhi, Kushan Empire

For citation: Shustova A. M. Yuri N. Roerich's contribution to the study of the Tocharians. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 22–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

История древнего народа тохар, проживавшего в Центральной Азии на рубеже старой и новой эры, до сих пор остается до конца не изученной. Она связана с возникновением так называемой тохарской проблемы. В начале XX в. в Китайском Туркестане обнаружили древние тексты, часть из которых была написана на тогда еще неизвестном языке. К изучению рукописей приступили специалисты по древним языкам. Не имея на тот момент достаточно исторического материала, да и, вероятно, в некоторой спешке, лингвисты назвали язык тохарским.

Под наименованием «тохары» (гр. Τόχαροι) античные писатели понимали один из индоевропейских этносов, проживавший на территории Бактрии. Язык же, который называли тохарским,

был распространен гораздо восточнее, в оазисах Таримского бассейна. Его процесс изучения проходил достаточно успешно. Было выделено два диалекта: «тохарский А» – «восточно-тохарский», и «тохарский Б» – «западно-тохарский»¹, а также выдвинуто предположение о существовании еще одного тохарского языка («тохарский С»), который использовали в оазисе Лоулань². Термин «тохарский» прочно закрепился в научной литературе.

Однако возникла трудность соотнесения тохарского языка с тохарами как с предполагаемыми его носителями. Тохарская тема переросла в тохарскую проблему³. Один из современных ее исследователей Л. М. Свечков замечает: «Многие учёные отрицали само определение "тохарские" по отношению к языку документов из Кучи, Кара-

шара и Турфана как не отражающее самоназвание народа, оставившего эти тексты. Все осознавали искусственность построения подобного рода, когда “неизвестному языку” присвоили имя тохарского, руководствуясь данными греко-римских письменных источников. В античной традиции известны только три народа, которые можно приурочить к территории Китайского Туркестана – серы, тохары и фруны (или фауны). Ход дальнейших рассуждений крайне прост: коль скоро язык рукописей индоевропейский (но не иранский или индийский), а серы – это китайцы, фруны – гунны, как полагало почему-то большинство исследователей, значит, тексты оставили тохары»⁴.

Процесс изучения тохарских языков шел гораздо быстрее исторического осмысления проблемы. Лингвистическое исследование выделилось в отдельную большую отрасль. Тохарская тема разделила специалистов по тохарской проблематике условно на два лагеря: тех, кто во главу угла ставит лингвистическое исследование, и тех, кто отталкивается прежде всего от исторических и археологических данных. В своих выводах они приходят порою к разным результатам, о чем будет сказано ниже.

На возникновение расхождений в подходах на тохарскую проблему лингвистов и историков указывал Ю. Н. Рерих (1902–1960), у которого с этой темой была связана своя личная история. Еще обучаясь в Гарварде по специальности индийская филология, он начал интересоваться тохарской темой. Она настолько увлекла молодого ученого, что он оставляет занятие санскритом и пали и решает закончить свое образование в Парижском университете, занимаясь историей тохар под руководством профессора Поля Пеллио, специалиста по тохарам.

В 1921 г. Рерих написал реферат на тему тохарского языка и отправил его в Парижский университет, сопроводив письмом, в котором писал: «В настоящее время я, в частности, интересуюсь проблемой тохар. Моя интуиция даёт возможность рассматривать проблему с исторической точки зрения, основываясь на археологических находках, касающихся Китайского Туркестана. Я думаю представить эту работу как тезисы докторской работы в Парижском университете»⁵. Молодой ученый четко сформулировал свою позицию, он ставит своего наставника в известность, что он намерен изучать проблему в историческом ключе, опираясь на археологические данные.

В той или иной степени тохарская проблематика присутствует во всех трудах Рериха. Непосредственно теме истории тохар посвящены его статьи «Тохарская проблема»⁶ и «Память о тохарах в Тибете»⁷, а также большая часть первого тома его капитального труда по истории Центральной Азии⁸.

Прежде чем перейти к анализу результатов исследования тохарской истории Рерихом, необходимо сделать несколько замечаний. Отметим, что

систематическое изучение его научного наследия только начинается⁹. Рерих долгие годы провел в эмиграции, проживая в Индии, и только в 1957 г. вернулся на родину. Но в Институте востоковедения АН СССР, куда он устроился по возвращении, ему было судьбой отведено проработать менее трех лет. Скончался он в возрасте 58 лет, достаточно рано для ученого, оставив неизданными целый ряд рукописей. Свои труды он писал на английском, русском и французском языках, публиковал их в Америке, Европе, Индии и России. До сих пор неизвестно, все ли его работы изданы, а если изданы, то где. Некоторые из опубликованных в первой половине прошлого века статей Рериха являются библиографической редкостью. А те, которые удалось переиздать в последние годы маленьким тиражом, к сожалению, не стали широко известными. Трудностей в изучении научного наследия Ю. Н. Рериха добавляет и то обстоятельство, что многие его работы являются программными, и для понимания их значения требуется знать не только многогранное наследие самого ученого, но и всей семьи Рерихов, которая представляла собой единый творческий коллектив.

Рерих часто поднимал проблемы, перспективные для будущего исследования. Так, он один из первых поставил вопрос об изучении истории и культуры кочевников как отдельной отрасли научного знания. В настоящее время кочевниковедение активно развивается, и труды Рериха являются важным вкладом в продвижение этого направления исторической науки. Поэтому не оправдан взгляд на научное наследие Рериха как на устаревшее.

Что касается тохарской проблемы, то Рерих в свое время не только дал ей историческое измерение, но и наметил перспективы на будущие исследования, в которых история тохар может занять определенное место. Среди них можно назвать такие темы как, например, эпоха великих древних миграций в Азии, общность кочевого мира Евразии, распространение буддизма в первом тысячелетии нашей эры, культурное единство Азии, возникновение и распространение гандхарского стиля в искусстве, древняя и средневековая история Индии и Тибета, евразийская концепция об истоках русской культуры, будущее совместное развитие народов Евразии.

Статью «Тохарская проблема» Рерих начинает словами: «Так называемая тохарская проблема является одной из сложнейших проблем истории Внутренней Азии и до известной степени относится к истории Индии, поскольку она касается этнической принадлежности кушанской династии. От выявления хронологии кушанской эпохи зависит решение многих вопросов истории Индии – не только древней, но и средневековой»¹⁰. Это утверждение Рериха сразу расставляет акценты в его последующем изложении материала. Во-первых, историю тохар он считает частью истории Индии; во-вторых, многие вопросы древней и

средневековой Индии, по его мнению, связаны с хронологией Кушанской эпохи, в которой главенствовали тохары.

История Индии, в особенности ее северо-западной части, в период II в. до н.э. – V в. н.э. характеризуется политическим, экономическим и культурным расцветом, который стал возможен благодаря возвышению Кушанской империи¹¹. В период своего наибольшего могущества она занимала территорию, включающую регионы современной юго-западной и центральной Индии, Пакистана, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, а также Китая. По своему политико-экономическому уровню Кушанская империя была сопоставима с Римской, Парфянской или Китайской державами.

В Кушанскую эпоху произошло массированное распространение буддизма из Индии в страны Юго-Восточной Азии, Среднюю и Центральную Азию, а также на Дальний Восток. Рерих писал: «По буддийским каналам в Центральной Азии стали известны индийские светские науки: астрономия, медицина, драматические произведения, поэзия и грамматика; они были восприняты народами, живущими от степей юга России до берегов Тихого океана»¹². Крупные буддийские культурные и образовательные центры появились в Бамиане (Афганистан), Хотане, Куче, в Дуньхуане и других древних городах Центральной Азии. На базе буддизма возникло и получило свое развитие так называемое гандхарское искусство, которое еще называют греко-буддийским, так как оно передавало индийские буддийские сюжеты преимущественно с помощью греческой художественной лексики¹³.

Будучи частью большой индийской цивилизации, Кушанская империя распространила культурную экспансию на все евразийское пространство. О всеазиатском масштабе культурного влияния индийской цивилизации на базе буддизма в первом тысячелетии нашей эры Рерих писал: «Художественные традиции Гандхары распространялись вдоль караванных путей через центрально-азиатские пустыни и достигли берегов Тихого океана. <...> Центральная Азия, районы Западного и Восточного Туркестана стали местом встречи индийских, иранских и китайских художественных воздействий, из которых выросло яркое и сильное искусство, на своей поздней стадии повлиявшее на искусство Тибета, а через него – на китайское искусство периода династии Юань (XIII–XIV вв. н.э.)»¹⁴.

В Кушанскую эпоху оживились торговые, культурные и религиозные связи между различными областями евразийского континента, причем достаточно удаленными друг от друга. Особо следует отметить развитие системы коммуникаций в различных направлениях евразийского материка, которая получила название Великого шелкового пути. Это было выдающимся достижением Древнего мира. Насколько оптимальны были эти маршруты, свидетельствует современная идея

возрождения этой коммуникативной сети уже на новом технологическом уровне.

Относительно высокий уровень культурно-исторического развития Кушанской империи порождает воображение и справедливо вызывает множество вопросов. Как потомки кочевых племен, пришедшие из глубин Азии, могли сокрушить власть влиятельных греко-бактрийских правителей и объединить в одно государство совершенно разные области, причем уже достаточно развитые в политическом и экономическом плане? Удивляет и выбор в качестве идеологической основы государства именно идеологии буддизма, который и в самом деле продемонстрировал хорошие перспективы для будущего государственного строительства, хотя в Азии в то время было много и других влиятельных культов и религий. Существующая веротерпимость в кушанском государстве тоже заслуживает внимания.

Вопрос, кто были эти люди, создавшие Кушанскую империю и выработавшие высокие образцы гандхарской культуры, волновал Рериха как ученого. В тохарах он видел не только тех, кто стал родоначальником Кушанской династии, но и тех, кто инициировал мощный культурно-цивилизационный импульс в Центральной Азии. В связи с этим он ставил перед собой задачу «восстановить ход событий, разыгравшихся во Внутренней Азии и приведших к уходу орды племени юэчжи (вариант: юэши) на запад и к рубежам Индии, на основе китайских и классических письменных источников»¹⁵, а также согласовать между собой этнонимы юэчжи, тохары и кушаны.

Выделим наиболее важные моменты в исторической реконструкции Рерихом указанного периода тохарской истории. Рерих анализирует китайские хроники «Шицзи», «Цянь Ханьшу» и «Хоу Ханьшу». Хотя они ведут свое повествование о народе юэчжи с III в. до н.э., он предполагает, что их история гораздо древнее. Юэчжи кочевали на большой территории в китайской провинции Ганьсу. Переломный момент в их истории происходит во II в. до н.э., который Рерих называет «крупным событием в кочевом мире Внутренней Азии»¹⁶. Под давлением сюнну (хунну) юэчжи вынуждены были уйти из зоны своих обычных кочевий, начав натиск на соседние кочевые племена. Эта миграция привела, как в эффекте домино, к массовым перемещениям в кочевом мире. В результате некоторые народы были поработаны, государства пали, а на их месте возникали как новые племенные союзы, так и новые государственные образования. Вслед за направляющимися на запад юэчжи племена хунну проникли в земли Таримского бассейна и завоевали княжество Лоулань. Пришли в движение и сарматы, а также среднеазиатские скифы (саки), которые двинулись в Согдиану. Во время своего следования на запад юэчжи перешли реку Оксус (Амударью) и вторглись в Бактрию. В 128 г. до н.э. они уже занимали всю ее территорию.

Рерих обращает внимание на новый важный момент в истории юэчжи, а именно на образование племенного объединения, в которое входило пять владений (Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Думи¹⁷). Причем, кроме самих юэчжи, в объединении было и местное, оседлое, население. Таким образом, мы имеем интересный исторический факт, когда кочевники объединяются с оседлыми племенами, и что также интересно, правителями каждого из владений был князь не с юэчжи, и не с местным наименованием, а с хуннским – ябгу. Таким образом, одной из отличительных этнопсихологических черт народа юэчжи была их приспособляемость к условиям и достаточная гибкость в отношениях с другими племенами.

Ябгу Гуйшуана (Kuśana) Куджула Кадфиз (Kujula Kadphises) становится верховным правителем над всеми пятью княжествами в Бактрии и основывает новую династию Кушанов. Описывая это событие, Рерих называет Куджула Кадфиза правителем владений не юэчжи и не тохаров, а владений уже юэчжи-тохаров¹⁸. Далее Рерих делает важное замечание. Двигаясь на запад, часть юэчжи вместе с примкнувшими к ним скифами-саками остались во владении усуней в районе Куча – Карашахр – Турфан. Здесь они постепенно смешивались с местным населением, переходя к оседлому образу жизни. Рерих предполагает, что именно эти люди были носителями языка, который впоследствии получил наименование тохарского. В Кушанскую эпоху они восприняли буддизм.

Рерих замечает, что первоначальная орда юэчжи разделилась на две части, которые сформировали две новые общности: больших (даюэчжи) и малых (сяо) юэчжи, имеющих в будущем разную историческую судьбу. Часть малых юэчжи остались на территории прежних кочевий и от поколения к поколению стали постепенно смешиваться с племенами цянов, от которых восприняли тибетский язык. Некоторые из них жили в горах на юго-запад от Дуньхуана и продержались там довольно долго, вплоть до X в. н.э., до завоевания их тюрками.

Чтобы ответить на вопрос, какие основания имеются для того, чтобы отождествлять юэчжи китайских исторических источников с тохарами классических писателей, а это главная составляющая тохарской проблемы, Рерих приводит следующие аргументы: вывод французского ориенталиста Р. Груссе, который проводил такое отождествление¹⁹, слова Птолемея, сообщавшего о народности Θαυουροι, горы Θαυουρονορος, город Θουаралολις на востоке торгового пути в Ганьсу. Также Рерих упоминает уроженца города Куча Кумарадживу (344–413), который слово tukhara (тохары) в буддийских трактатах переводил на китайский язык как малые юэчжи, которые еще в V в. н.э. кочевали в горах Наньшаня к югу от Лянчжоу. Он пишет, что «для Кумарадживы, который бывал в северо-западной Индии и в частности в Кашмире, где изучал санскрит и буддийскую философию, тохары

были юэчжи»²⁰. В качестве следующего аргумента Рерих приводит свидетельства хотанского и восточно-иранского (сакского) документов, которые содержат исследования соответственно Г. Бейли²¹, Ф. Томаса и С. Коноу²². В них говорится об отряде в две тысячи воинов Ttaudāgara и упоминается местность Ttaugaга, расположенная на Шёлковом пути на территории Ганьсу.

Что касается тибетских источников, то Рерих пишет, что в тибетской литературе содержатся сведения о двух областях, где жили тохары, – северо-восток и северо-запад Тибетского нагорья. Эти люди именовались как Thod-dkar, или Phod-dkar, или Tho-gar. В тибетском Танджуре упоминается Тохар (Tho-gar) Дхармамитра, уроженец Термеза на реке Оксус²³. В Ладакхе близ населенного пункта Дрангцэ (на берегу озера Пангонг-Цо) была найдена четырехязычная надпись, одним из языков которой был тохарский язык Б (кучинский), а другие – согдийский, тибетский и китайский языки. Там обозначена дата – 825/826 гг. н.э., что говорит, по мнению Рериха, о наличии тохароязычного населения на западе Тибетского нагорья в начале IX в. н.э. Название «тохар», равно как и «юэчжи», сохранилось еще в X в. н.э. Уйгуры считали владения в окрестностях Кучи, Карашахра, Турфана и Бешбалька (Гучэнцзы) тохарскими²⁴. Рерих стремился показать, что наименование «тохар» встречается в различных транскрипциях в текстах, содержащих упоминание местностей в пределах Ганьсу, или где-то рядом, вплоть до X в., а затем исчезает.

Что касается текстов на тохарском языке, то Рерих пишет, что на нем основывалась богатая буддийская литература. Уйгуры, занявшие район Куча – Карашахр – Турфан в IX в., стали переводить тохарские тексты на уйгурский язык. В связи с этим Рерих упоминает сравнительное исследование П. Пеллио²⁵ текста «Maitreyasamiti», написанного на тохри, и его уйгурского перевода. Пеллио показал, что язык тохри является тохарским А, на котором писали в Турфане.

Рерих также делает замечание относительно эволюции тохарского языка, предполагая, что «между концом кушанской эпохи и VIII–IX вв. н.э. тохарский язык (“наречия А и Б”) постепенно превратился в литературный язык, и весьма возможно, что эта эволюция языка совершилась в районе именно по соседству с Кучей, которая уже в IV в. н.э. являлась крупным культурным центром буддийского мира, связанного культурными нитями с северо-западной Индией и Китаем»²⁶.

Свое исследование в статье «Тохарская проблема» Рерих завершил словами: «Тохары принадлежали к очень древней группе племён, которые долгое время продолжали существовать среди ираноязычных и тюркоязычных племён Внутренней Азии, пока окончательно не исчезли, растворившись в окружавшей их этнической среде»²⁷.

В статье «Память о тохарах в Тибете» Рерих описывает судьбу племени малых юэчжи. Малые

юэджи, соприкоснувшись с цянами-тибетцами, восприняли от них их образ жизни, а также стали говорить на их наречиях. Ядро малых юэджи в Ханьскую эпоху располагалось в городе Хуанчжун к востоку от озера Кукунор и к югу от реки Сининхэ. Опираясь на китайские источники, он пишет, что малые юэджи еще в X в. жили на юго-востоке Таримского бассейна и в сопредельном районе Наньшаня.

Несмотря на то, что малые юэджи быстро «отибетились», в тибетских источниках о них говорится не как о тибетцах, а как о тохарах. Рерих обращает внимание на то, что имя «тохар» в различных транскрипциях часто можно встретить среди названий тибетских родов и поколений. Причем, в тибетской литературе делается различие между тохарами на западе, в Бактрии, – Тохарестане, и тохарами на востоке Таримского бассейна и сопредельных областей. Рерих замечает, что согласно тибетским источникам ряд буддийских проповедников были тохарами.

Память о тохарах в Тибете сохранилась не только в тибетской литературе, но и в искусстве, а также в типе вооружения и в конной тактике ведения боя. Юэджи-тохары приобщили тибетцев к культуре алано-сарматов, где главенствовал так называемый звериный стиль в искусстве. Во время Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха в Центральном Тибете были обнаружены предметы, искусно украшенные звериным орнаментом. Ю. Н. Рерих описал их и осуществил историко-культурный анализ находок в монографии «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»²⁸.

Таким образом, Рерих не только попытался восстановить историю тохаров, но и обосновал свой взгляд на тохарскую проблему. Для него юэджи из китайских источников являлись тохарами из сочинений античных авторов. Более того, ученый считал для себя обязательным идентифицировать основателей Кушанской династии как юэджи-тохаров.

Данная точка зрения до сих вызывает сомнения у исследователей. Так, в предисловии к сборнику статей Ю. Н. Рериха «Тибет и Центральная Азия» М. И. Воробьева-Десятовская, специалист по древним рукописям из Центральной Азии, признавая, что тохарская проблема остается «одной из самых сложных и запутанных до наших дней», формулирует ее следующим образом: «Кто же были тохары, откуда они пришли на территорию Восточного Туркестана – в оазисы Кучу и Турфан, – когда они туда пришли и, наконец, было ли засвидетельствованное в письменных источниках только в I тыс. н.э. название “тохары” названием того индоевропейского народа, который пришёл в Восточный Туркестан, очевидно, во II тыс. до н.э., т. е. раньше, чем арийские племена вступили на территорию Ирана и Индии, – такова сущность тохарской проблемы»²⁹. Чтобы приблизиться к разрешению тохарской проблемы, Воробьева-Десятовская считает це-

лесообразным приступить сразу к рассмотрению вопроса о происхождении и структуре тохарских языков. Рерих же предлагал решение тохарской проблемы начинать с другой стороны, а именно, – с исследования истории тохар, как одного из древнейших народов Центральной Азии, независимо от того, говорили они на тохарском или на каком-то другом языке.

Эти два различных подхода к решению тохарской проблемы ведут, как оказалось, к различным выводам. Согласно «лингвистическому» подходу тохары пришли на восток с запада и не могли быть автохтонным народом Внутренней Азии. Воробьева-Десятовская, опираясь на труд Гамкрелидзе и Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»³⁰, прямо так и пишет: «Глава 12 второго тома посвящена проблеме “Выделения тохарского из общеевропейского языка и миграции носителей тохарских диалектов”. В ней рассматриваются вопросы тохарских миграций на восток (разумеется, с запада...)»³¹. Далее она приходит к выводу, согласно которому попытка Рериха доказать, что кушаны были юэджи-тохарами, является необоснованной и опять же, ссылаясь на лингвистические данные, утверждает, что «кушаны также не могли быть юэджи, поскольку государственным языком Бактрии (бассейн Аму-Дарьи) стал бактрийский, один из восточно-иранских языков»³².

Подход Рериха, который опирается прежде всего на исторические хроники, предполагает совершенную иную картину событий. Более развернуто о проблеме Рерих пишет в своем фундаментальном труде по истории Центральной Азии, содержащем более тысячи страниц текста³³. В нем он предпринял анализ исторических событий в Центральной Азии, охватывающий период с глубокой древности до XIV в. Ученый работал над этой книгой около 30 лет, изучая многочисленные древние источники. Но не только теоретические исследования содержались в этом труде. Рерих имел опыт серьезной практической работы во время большой Центрально-Азиатской экспедиции его отца, прошедшей дорогами Азии более 25 тыс. км, а также Маньчжурской экспедиции и ряда малых экспедиций в рамках программы Института гималайских исследований «Урусвати», который Рерихи учредили в долине Куллу (Индия).

В первом томе «Истории Средней Азии» ученый достаточно подробно освещает историю Центральной Азии в эпоху преобладания иранских племен, а также раннетюркского периода и периода Великого переселения народов. Рассматривает он и историческое соотнесение кушанов-юэджи-тохар.

Чтобы прийти к определенному выводу, Рериху, следует признать, пришлось проделать весьма трудоемкую исследовательскую работу. Он выстроил достаточно связную и последовательную реконструкцию событий в отношении кушанов и юэджи-тохар. На основе своих ис-

следований Рерих устанавливает их прямую историческую связь. Он пишет: «Нам представляется излишним сомневаться в том, что юэчжи китайских анналов действительно были теми тохарами, чьё имя упоминается классическими писателями и хорошо известно в древнеиндийской литературе»³⁴. После анализа упоминаний о тохарах в тибетской литературе Рерих пишет, что «существовала упорная традиция, помещавшая в западном Ганьсу область тохаров, причём имя “тохары” в IV–V вв. связывалось с именем “юэчжи”. Мы не сомневаемся, что эта традиция имеет под собой историческую почву и что юэчжи китайских анналов действительно были тохарами классических писателей и древнеиндийской литературы»³⁵. Таким образом, Рерих несколько раз дает понять, что для него вопрос тождественности тохар с юэчжи решен.

В исследовании по истории тохар Рерих коснулся также и лингвистического аспекта проблемы. Его взгляд таков, что, если у него нет сомнений относительно отождествления тохар с юэчжи, то вопрос о появлении тохарского языка в районе Турфана – Карашахра все-таки требует дополнительного исследования. Так, он замечал, что «только дальнейшая исследовательская работа в пределах Таджикистана и сопредельного с ним Афганистана может поставить “тохарскую” проблему на твердую почву и разрешить вопрос, был ли “тохарский” язык, или наречие А, литературным языком ушедших на запад тохаров-юэчжи, занесённым обратно в Восточный Туркестан вместе с буддизмом»³⁶.

Упомянув о некоторых лингвистических аналогиях между тохарским языком (язык I) и языками хеттским и фракийским, Рерих писал: «Для нас тохары-юэчжи вместе с древними хеттами и фракийцами и, вероятно, киммерийцами, являются представителями древней обширной группы индоевропейских народов, некогда широко разбросанных по северному степному поясу»³⁷.

Что касается кушанов, то, рассматривая историю Кушанской династии, Рерих писал: «Мы считаем, что кушанов надо рассматривать как юэчжи-тохаров»³⁸. И далее прямо указывает: «Как отмечено выше, эти кушаны были тохарами»³⁹.

Поддерживает точку зрения Рериха и Сверчков, который представил достаточно полный анализ взгляда различных ученых на тохарскую проблему. Он пишет: «Проблема согласования этнонимов юэчжи – тохары – кушаны, титулов и имён царей Кушанской династии составляет суть пресловутой “тохарской проблемы”, так блестяще освещённой и сформулированной И. Умняковым⁴⁰ и весьма далёкой от разрешения даже в наши дни. Последовательность событий истории юэчжи детально изложена в специальной статье Ю. Н. Рериха»⁴¹. Сверчков изучил содержание статьи Рериха «Тохарская проблема» и также пришел к выводу о том, что отождествление тохар

с юэчжи правомерно. Он пишет: «И раньше, и сейчас большинство исследователей сходятся в том, что данные китайских хроник о юэчжи соответствуют сведениям греко-римских источников II в. до н. э. – II в. н. э. о тохарах»⁴².

В заключение добавим, что Ю. Н. Рерих, вернувшись на родину в 1957 г. и поступив работать в Институт востоковедения АН СССР, продолжил заниматься вопросами, связанными с историей тохар. Так, он выдвинул идею создания международной комиссии для комплексного изучения истории Кушанской империи, куда бы в первую очередь входили страны, чьи территории частично находились в свое время под влиянием кушанов.

Предложение Рериха было рассмотрено 24 июля 1959 г. на заседании Советского комитета «Восток – Запад», который был создан на базе Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Директор Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафуров, поддержав идею Рериха, сказал: «Товарищ Рерих недавно поднимал такой вопрос: организовать совместное изучение кушанского периода. Я считаю, что это очень выгодная для нас работа. Чем отличается кушанский период? <...> Это был такой период, когда в течение длительного времени не было никаких столкновений между народами. <...> Давайте поставим вопрос о разработке и широком изучении кушанского периода и совместном проведении наших мероприятий в этой области»⁴³.

Вскоре были очерчены следующие задачи, которые должна была решать международная комиссия по изучению кушанской истории: «а) учёт письменных, этнографических, нумизматических памятников Кушанской эпохи на территории СССР, Индии, Афганистана и КНР, как на местах, так и в музейных собраниях; б) археологическая разработка архитектурных памятников Кушанской эпохи (развалин населённых пунктов, буддийских вихар и ступ); в) подготовка двухтомника по истории Кушанской эпохи»⁴⁴. Была также разработана карта археологических разведок на территории Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Афганистана (Бадахшан, Нуристан, Северный Гиндукуш, долина Кабулруда), Индии (Кашмир, Пенджаб, Уттар-Прадеш) и КНР (Западный Ганьсу, Наньшань, Восточный Тянь-Шань (Карашахр – Куча – Турфан), северные предгорья Тянь-Шаня на территории Синьцзяна).

Однако развернуть такой грандиозный международный проект в то время не удалось по разным причинам, главной из которых была напряженная международная обстановка, не позволявшая ученым из разных стран вести совместно намеченные в проекте исследования. Кушанский проект был приостановлен. Однако идея Рериха по изучению кушанской истории не осталась втуне. В 1967 г. ЮНЕСКО выдвинула проект по изучению народов Центральной Азии, одно из главных мест в котором занимала проблема изучения Кушанской эпохи.

Примечания

- ¹ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Ч. 1. 433 с.
- ² Burrow T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan // Journal of the Royal Asiatic Society. 1935. Vol. 67, iss. 4. P. 667–675.
- ³ См.: Сверчков Л. М. История изучения и лингвистический анализ тохарских языков // The Bulletin of Ethnogenomics-Historical Project «Suyun» (BENPS) Moscow-Vila do Conde-Ufa. Ural, Moscow ; Suyunche, Portugal, 2016 (Nov.). Т. 3, № 10 [1, 2]. С. 806–824.
- ⁴ Там же. С. 808.
- ⁵ Рерих Ю. Н. Письмо в Парижский университет (1921) // Рерих Ю. Н. Материалы юбилейной конференции. М. : Международный Центр Рерихов, 1994. С. 9.
- ⁶ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123.
- ⁷ Рерих Ю. Н. Память о тохарах в Тибете // Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143.
- ⁸ См.: Рерих Ю. Н. История Средней Азии : в 3 т. М. : Международный Центр Рерихов, 2004. Т. 1. 470 с.
- ⁹ См., напр. : Троянова Е. В. Проблемы истории и культуры народов Центральной Азии в трудах Ю. Н. Рериха : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 25 с.
- ¹⁰ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия : Статьи, лекции, переводы / науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара : Агни, 1999. С. 127.
- ¹¹ См.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия : проблемы истории и культуры / отв. ред. Б. И. Вайнберг. М. : Наука, 1977. 196 с.
- ¹² Рерих Ю. Н. Индия в долгу перед буддизмом // Буддизм и культурное единство Азии : сб. статей / пер. с англ. А. Л. Барковой, с фр. А. А. Соболевой, с тибет. В. С. Дылыковой-Парфионович. М. : Международный Центр Рерихов, 2002. С. 7.
- ¹³ См.: Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М. : Искусство, 1982. 195 с.
- ¹⁴ Рерих Ю. Н. Культурное единство Азии // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы / науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара : Агни, 1999. С. 21.
- ¹⁵ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Там же. С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Chavannes J. Les Pays d'Occident d'argisle Hoou Nan chou // T'oung Pao. 1907. Vol. VIII. P. 190.
- ¹⁸ См.: Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. С. 130.
- ¹⁹ Grousset R. L'Asie orientale. Paris, 1934. P. 63.
- ²⁰ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. С. 132.
- ²¹ Bailey H. W. A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantsou // Asia Major. New Ser. 1949. Vol. 1, № 1. P. 31, 35, 43.
- ²² Thomas F. W., Konow S. Two medieval documents from Tun-Huang. Oslo, 1929. P. 132, 148.
- ²³ Cordier P. Catalogue du fonds tibétain de la Bibliothèque Nationale : in 8 p. P. III : Index du Bstan-'gyur. Paris, 1915. P. 408.
- ²⁴ Henning W. B. Agri and the Tokharians // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1938. № 9. P. 560.
- ²⁵ Pelliot P. Tokharien et Koutchïen // Journal Asiatique. 1934. Vol. CCXXIV. P. 23–106.
- ²⁶ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. С. 133.
- ²⁷ Там же. С. 134.
- ²⁸ Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. С. 29–55.
- ²⁹ Воробьева-Десятовская М. И. Предисловие // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия : Статьи, лекции, переводы. С. 9.
- ³⁰ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч.
- ³¹ Воробьева-Десятовская М. И. Предисловие. С. 9.
- ³² Там же. С. 10.
- ³³ См.: Рерих Ю. Н. История Средней Азии : в 3 т. М. : Международный Центр Рерихов, 2004–2009. Т. 1. 2004. 470 с. Т. 2. 2007. 446 с. Т. 3. 2009. 316 с.
- ³⁴ Там же. Т. 1. С. 272.
- ³⁵ Там же. С. 273.
- ³⁶ Там же. С. 275.
- ³⁷ Там же. С. 276.
- ³⁸ Там же. С. 320.
- ³⁹ Там же. С. 321.
- ⁴⁰ См.: Умняков И. И. Тохарская проблема // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 181–193.
- ⁴¹ Сверчков Л. М. История изучения и лингвистический анализ тохарских языков. С. 818.
- ⁴² Там же. С. 820.
- ⁴³ Тамазишвили А. О. Деятельность Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения АН СССР // Юрий Рерих : Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. I : сборник статей и интервью / сост. В. А. Росов. 2-е изд. М. : Дельфис, 2017. С. 141–142.
- ⁴⁴ Там же. С. 142.

Поступила в редакцию 05.06.2020, после рецензирования 10.06.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 05.06.2020, revised 10.06.2020, accepted 05.11.2020